УДК 929.52

DOI: 10.52531/1682-1696-2022-22-1-93-98

Научная статья

НЕИЗВЕСТНАЯ ВЕТВЬ ПРЕДКОВ ПУШКИНА.
Часть I

А.Н. Красильников

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

В статье рассказывается об истории исследования родословной Александра Сергеевича Пушкина и приводятся сведения о нескольких поколениях вновь открытой ветви его предков по женским линиям – столбовых дворян Челюсткиных. Некоторые представители этого рода оставили заметный след в отечественной истории. Верификацией прапрабабушки поэта восполняется одна из лакун в пушкиноведении, возникшая из разночтения ещё в дореволюционных источниках. Статья основана строго на документальных материалах.

Ключевые слова: Пушкин, Челюсткин, Чичерины генеалогия.

История пушкиноведения как самостоятельного раздела литературоведения и истории литературы уходит корнями в середину XIX столетия, когда вышла книга П.В. Анненкова «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина». Начинается она с рассказа о предках и родственниках, но упомянуты в первой главе лишь сами Пушкины да Ганнибалы, представители рода матери поэта. Однако при цитировании его письма к Дельвигу, датированного июнем 1825 года, проскальзывает ещё одна фамилия: «...я имел несчастье потерять бабушку Чичерину» [1]. Уточним: бабушка была двоюродная, но о родной – её сестре – непременно поговорим ниже.

История прикладной исторической науки – генеалогии начинается непосредственно с Ветхого Завета, но в России она получила распространение относительно недавно, с конца XVIII века, чему способствовало ведение дворянских родословных книг после известной «Жалованной грамоты» Екатерины II 1785 г. Первым профессионалом может считаться Иван Григорьевич Воейков (в монашестве – игумен Ювеналий), опубликовавший исторические родословия

Original article

AN UNKNOWN BRANCH
OF PUSHKIN'S ANCESTORS.
PART 1

A.N. KRASILNIKOV

PROFESSIONAL UNION OF WRITERS
OF RUSSIA

The article tells about the history of the study of the genealogy of Alexander Sergeevich Pushkin and provides information about several generations of the newly discovered branch of his ancestors along female lines – the Chelyustkin nobles. Some representatives of this family have left a noticeable mark in the national history. The verification of the poet's second great grandmother fills one of the lacunae in Pushkin's studies, which arose from discrepancies in pre-revolutionary sources. The article is based exclusively on documentary materials.

KEY WORDS: Puskin, Chelyustkin, Chicherin, genealogy.

более десятка известных фамилий. К этому имени мы ещё вернемся.

Пушкиноведение и генеалогия всерьез переселились только в советское время. В 1932 г. Академия наук СССР выпустила исследование Б.А. Модзалевского и М.В. Муравьева «Пушкины. Родословная роспись», составленное в дореволюционной традиции, идущей от кн. П.В. Долгорукова, с указанием колена, номера сына/дочери, номера его/ее отца. При этом нумерация мужчин и женщин велась раздельно. Первый соавтор, потративший, по собственному признанию, «около трех десятков лет» [8] на накопление сведений, не дожидаясь выхода книги в свет. Его труд обобщил М.В. Муравьев, впервые выступивший с аналогичной родословной ещё в 1899 г. в юбилейном «Пушкинском сборнике» к столетию поэта, где он разъяснил: «По знатности Пушкины принадлежали к второразрядной аристократии, имевшей в XVII в. право на получение чина окольничего, минуя низшие чины; таких родов было 15. К перворазрядной аристократии принадлежало 16 родов, представители коих имели право быть пожалованными прямо в бояре» [9]. Заметим, что подобная классификация, предложенная ещё Григорием Котошихиным, знала и исключения.

Спустя пять лет появилась монография М.О. Вегнера «Предки Пушкина», в предисловии к которой автор отметил как «очень серьезный недостаток» у своих предшественников «игнорирование ближайших женских линий (Ржевских, Головиных, Чичериных и др.)», смело заявив: «В истории нашего поэта эти линии не менее важны, чем роды Пушкиных и Ганнибалов» [5]. Дальше он развил свою мысль: «И если искать надежных и научно ценных результатов от изучения генеалогии Пушкина, то надо одинаково обстоятельно изучать всех предков поэта, в особенности ближайших, а не только тех, которые носили фамилию Пушкиных. Материнские линии не менее важны, и имеются некоторые основания думать, что среди предков поэта эти линии представляют больше значения и интереса, чем мужская по отцу» [5].

Следуя этому утверждению, Вегнер уделил значительное место Головиным, Ржевским, Чичериным, Приклонским, при этом родословную Головиных привел по одноименной книге П.С. Казанского, Ржевских – по «Российской родословной книге» кн. П.В. Долгорукова, Чичериных – по «Родословному сборнику русских дворянских фамилий» В.В. Руммеля и В.В. Голубцова, а Приклонских – по «Русской родословной книге» кн. А.Б. Лобанова-Ростовского.

Говоря о Чичериных, Вегнер предположил, что сам Пушкин «несомненно очень заинтересовался бы и этой линией своих прямых предков, если бы что-либо толкнуло его интересы в эту сторону. <...> Родной прапрадед поэта Иван Андреевич Чичерин вместе с братом и двумя племянниками были убиты в Полтавской битве 1709 г.» [5] Женой Ивана Андреевича показана Юлиана Андреевна Челюсткина, что, разумеется, заимствовано из росписи Руммеля и Голубцова.

И тут невольно возникает вопрос: знал ли Вегнер о существовании еще одной родословной Чичериных, составленной первым русским генеалогом игуменом Ювением (Воейковым)? А если знал, то почему предпочел ей более позднее исследование? Вопрос не праздный, имеющий для нас ключевое значение, ибо у Воейкова читаем: «Иван служил в кавалерии майором и, сражаясь с неприятелем не щадя своей жизни, под Полтавой убит; женат был на Юлиане Иродионовне Челюскиной» [7].

Если закрыть глаза на незначительное различие в написании имени и фамилии, очевидно, что речь идет об одном человеке. Но не могут не смущать разные отчества. Странно, что свыше восьмидесяти лет пушкинисты не обращали на них внимания. А некоторые, ничтоже сумняшеся, приписали Пушкину даже некоего не верифицированного предка Андрея Челюсткина.

В мае позапрошлого года вышло фундаментальное издание под названием «Пушкины. Генеалогическая энциклопедия». Составители характеризуют его так: «Как подлинно исследовательский труд, оно призвано заполнить серьезную лакуну, образовавшуюся на

границе литературоведения и истории» [11]. Поэтому в книге собраны статьи не только об отдельных представителях рода Пушкиных, но и о связанных с ним других фамилиях. Уделено особое внимание Чичериным и конкретно Ольге Васильевне Пушкиной (урожденной Чичериной), бывшей не только бабушкой, но и крестной матерью поэта. О Челюскиных, увы, нет ни слова. А ведь они тоже были столбовыми дворянами и тоже дали России немало славных имен. И, самое главное, приходились прямыми предками Александру Сергеевичу. Да и чем не лакуна: Ульяна Андреевна или Ульяна Иродионовна?

Не отыскав интересующего нас ответа, для решения возникшей дилеммы обратимся к архивным документам.

В фонде Поместного приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА) отложились многочисленные дела, связанные с переходом недвижимого имущества. Логично предположить, что знатный род Челюскиных дал стольнику Ивану Андреевичу Чичерину приданое, выдавая за него одну из дочерей. Поскольку уже в 1700 году в семье родился сын Василий, отец пушкинских бабушек, родной и двоюродной, искать следы этого приданого нужно в отказных книгах конца XVII столетия.

И они находятся довольно быстро. В 7-й отказной книге по городу Карачеву есть две записи за 1688 год, сделанные с недельным промежутком: 22 и 28 сентября. По первой стольнику Ивану Андреевичу Чичерину отказано «прожиточное поместье девки Ульяны Родионовой дочери Челюсткиной да вотчина Ивана Родионова сына Челюскина, кою он написал в рядной ему, Чичерину, за сестрой своей девкой Ульяной в Белевском уезде в деревне Париносовой» [19]. Из второй следует дополнение, что «отказано ему прожиточное поместье девки Ульяны Родионовой дочери Челюскина в Карачевском уезде в деревне Гавриловской и в пустоши Архиповской» [19].

И это не единственные свидетельства, обнаруженные в архиве. В 34-ом оклеенном столбце по Карачевскому уезду в деле по челобитью стольника Ивана Андреева сына Чичерина дается подробное описание приданого: «в 197 г. по посланной из Поместного приказа грамоте прожиточное поместье девки Ульяны Родионовой дочери Челюскина в Карачевском уезде в деревне Гавриловской да в пустоши Архиповской пашни семьдесят три четверти да в Белевском уезде в деревне Париносовой пашни десять четвертей да Иваново променное поместье и вотчину Челюскина в той же деревне Гавриловской и в пустоши Архиповской пашни осьмина да вотчины в деревне Париносовой пашни сорок четвертей» [15].

Есть и четвертое упоминание – в оклеенных столбцах по Карачеву за 1688 год говорится: «Ивану Чичерину дана приданая вотчина по поступке шурина его Ивана Челюскина» [14].

Думаю, на этом исторический спор можно считать завершённым, а прапрабабушкой Пушкина уверенно назвать Ульяну Родионовну Челюсткину, родившуюся, судя по дате замужества, приблизительно в 1670 г. Прав в нем оказался игумен Ювеналий Воейков, выпустивший свое «Историческое родословие благородных дворян Чичериных, собранное из достоверных известий» еще до рождения самого поэта, в 1792 г. Трудно сказать, откуда он черпал «известия», действительно оказавшиеся достоверными, но в любом случае не из дворянских дел в Департаменте герольдии – основного источника для Руммеля и Голубцова, что лишний раз подтверждает: источник не очень надежный, и сведения, кроме касающихся самих заявителей, их родителей и детей, нужно перепроверять.

Раз приданое жених получил не от отца невесты, а от ее брата, можно догадаться, что к тому моменту оба они осиротели. Но прежде зададимся вопросом: кем же был Иван Родионович Челюсткин?

Тут настало время удовлетворить наверняка возникшее любопытство у читателя, знающего эту фамилию (правда, в ее слегка усеченном написании) по известным из школьных уроков географии арктическим полуострову и мысу, а из уроков истории – по событию, связанному с катастрофой одноименного ледокольного парохода в 1934 году и спасением его команды и пассажиров, собирательно именуемых челюскинцами. И полуостров, и мыс, и корабль получили названия в честь знаменитого полярного исследователя Семена Ивановича Челюскина, жившего в XVIII веке. Стольник времен дуумвирата Иван Родионович – его отец. Следовательно, самому мореплавателю Василий Иванович Чичерин приходился кузеном, его дочь Ольга, бабушка Пушкина, двоюродной племянницей, а наш великий поэт – двоюродным правнучатым племянником.

Попробуем теперь выяснить, откуда появилась вотчина у Ивана Родионовича. Для этого снова обратимся к отказным книгам, на сей раз по Белеву. Во второй половине 5й книги находим сделанные в один день 21 ноября 1678 года такие записи:

1. «отказано Родиону Матвееву сыну да Ивану Родионову сыну Челюсткиным поместье первого брата родного, а последнего дяди родного Семена Матвеева сына Челюскина ж Белевского уезду в деревне Книгининой, в пустоши Диком поле»;

2. «отказано Родиону Матвееву сыну Челюсткину вотчина Семена Матвеева сына Челюскина Белевского уезду в селе Мишине Поляне, в деревне Париносовой» [12].

Сопоставляя их, можно предположить, что Семен Матвеевич Челюсткин умер бездетным, недвижимость его досталась младшему брату и племяннику, причем вотчина поначалу только первому. Стольник Иван Родионович получит из поместья в вотчину в Белевском уезде позднее, 22 марта 1685 г., «для перемирия солтана

турского и хана крымского» [17], а потом и 22 января 1694 г. «за Троицкий поход да за чигиринскую службу да за вечный мир с польским королем» [18].

Братья Семен и Родион Челюскины известны в русской истории. Оба служили головами московских стрельцов, о чем сохранились свидетельства в различных источниках. Старший начинал рейтаром и в 1653 г. показан в столбцах «серпантином рейтарского строя» [16], затем был полуголовой, и в книге С.А. Белокурова «Дневальные записки Приказа тайных дел 7165–7183 гг.» регулярно о нем сообщается с 1660 г. Вот, к примеру, запись от 26 марта: «На карауле стоял полковника и головы Семенова приказу Полтева полуголова Семен Челюсткин с его приказом» [3]. А в начале 1665 года, как утверждает автор монографии «Стрельцы московские» М.Ю. Романов, Семен Матвеевич встал во главе подразделения, отправленного на год в Смоленск. Он же указывает, что «стрелецкий голова С.М. Челюсткин последний раз упомянут в качестве командира здешнего приказа в 1671 г.» [21]. Впоследствии с марта 1672 г. по апрель 1674 г., как свидетельствуют столбцы Севского стола Разрядного приказа, Семен Матвеевич был калужским воеводой.

Нас же больше интересует прапрапрадед Пушкина Родион Матвеевич. Головой московских стрельцов он стал после старшего брата. По сведениям из столбцов Белгородского стола Разрядного приказа, в августе 1675 г. назначался в приказ к луцким и торопецким стрельцам, однако через полгода сломал ногу и «вследствие болезни» отправился назад в Москву. Окончательно в строй, видимо, не вернулся, ибо служил в полку князя Хованского и едва ли пережил бы известный стрелецкий бунт 1682 г., вошедший в историю под названием Хованщина. В дальнейшем его имя встречается преимущественно в связи с многочисленными поместьями в разных уездах: Алексинском, Белевском, Вяземском, Зарайском, Карачевском и др.

Еще одну дочь Родион Матвеевич успел выдать замуж сам, дав «в Вяземском уезде пашни 35 чети за дочерью своею за девкою Марфою зятю своему Михаилу Ильину сыну Давыдову» [17]. Произошло это, судя по сопоставлению записей в столбцах, не позже 1683 г. Любопытно, что самому Челюсткину это поместье досталось за братом Семеном, тому – в качестве приданого жены, чья мать Афросинья Васильевна Малыгина после смерти дочери и зятя долго и безуспешно пыталась вернуть его себе.

Но большую часть недвижимости Родион Матвеевич унаследовал от отца, что помогает выявить имя последнего. Звали его Матвей Матвеевич, и от него сыну перешло, в частности, село Благовещенское (Ильинское тож) в Белевском уезде, которым сам он владел наряду с братом Михаилом. В отказных книгах событие датируется октябрем 1644 г., а в неоклеенных столбцах по Белеву оно же записано с датой 22 февра-

ля, и это, пожалуй, самое раннее указание Родиона как собственника. Чуть позже, в 1646 г., серпанин Родион Матвеев сын Челюсткин упомянут в 412-й писцовой книге по Рязани в качестве владельца части деревни Старой Перевицкого стана, числящейся по 405-й и 409-й писцовым книгам (обе относятся к концу 1620-х годов) за Матвеем Матвеевичем.

Сложнее оказалось углубиться еще на одно колено и определить родителя Матвея Матвеевича. По возрасту им должен быть персонаж Смутного времени и последующего сопротивления польской интервенции. И подходящий Матвей Челюсткин легко обнаруживается: так звали лебедянского воеводу 1616–1617 гг., оборонявшего затем летом 1618 г. Елец от нашествия запорожского войска во главе с гетманом Сагайдачным и включенного потом в список «московских осадных сидельцев в королевичев приход» спустя несколько месяцев. Но принципы научной генеалогии требуют более убедительных доказательств, чем совпадение имени и лет жизни. Во времена, когда еще не велись метрические записи и не составлялись ежегодные исповедные росписи, важнейшими источниками являются документы о преемственности недвижимости. Именно они помогли нам точно установить прапрабабушку Пушкина, ее отца, деда, и для определения более дальнего предка без них тоже не обойтись.

Попытка двинуться в обратном направлении, условно приняв лебедянского воеводу за искомого Матвея, сразу завела в тупик. Владения его обнаруживались в Воронежском, Калужском уездах, той же Лебедяни, но никак не там, где обитали уже выявленные нами персоны. Да и наследника его звали Никитой, а не Матвеем и не Михаилом. Иными словами, алексинский дворянин Матвей Калининвич Челюсткин полностью отпадает. Называю его полным именем, чтобы никто из коллег не пошел по ложному следу.

В перечне «Жалованных и других грамот польского короля Сигизмунда московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам на отчины и поместья, чины, денежные и хлебные оклады, дворы и проч. по случаю избрания сына его, королевича Владислава, на московский царский престол» под номером 557 от 20 ноября 1610 г. находим: «Серпанину Петру Васильеву сыну Челюстину дано поместье, выслуга отца его, в Серпейском уезде, в Замошском стану сельцо Высокая Гора, полдеревни Скворцовы да полдеревни Монины, деревня Маслова с двумя починками, деревня Дурнина, по брате его Матвее Челюстине, которого не стало, в его оклад по росписе в книгах» [6]. Вспомним теперь явно лишнее слово серпанин, уже встречавшееся нам перед именами Родиона Матвеевича и его дяди Семена Матвеевича, и возьмем

на заметку Матвея Васильевича, умершего до ноября 1610 г.

Обратимся теперь к боярским спискам. В списке жильцов по Серпейску 1602–1603 гг. значится Курбат Васильевич Челюсткин с окладом 450 четей. [4]. Упоминается он и в «Росписи русского войска, посланного против самозванца в 1604 году» (рис. 1): «да из украинских городов казаков конных с пищальми // с Ливен з головой с Курбатом с Челюстким да з 2-мя сотники 200 чел.» [20]. В боярском списке 1606–1607 гг. оклад у него уже больше – 500 четей [10].

Дальнейшую судьбу его можно проследить по исследованию проф. А.А. Станиславского о действиях правительственных войск против И.И. Болотникова и его сообщника лжецаревича Петра: «...к началу 1607 г. на сторону Василия Шуйского перешли многие дворяне юго-запада России: выборными дворянами по Серпейску, как и Е. Д. Бартенев, служили в начале XVII в. С.И. Толстой, М.О. Беклемишев и К.В. Челюсткин. Характерно, что захватить Серпейск было поручено именно им» [20]. Далее автор приводит сохранившийся в фонде Успенского собора Государственного исторического музея перечень погибших от рук мятежников и комментирует его: «Особенно примечательно присутствие в верхней половине списка имени К.В. Челюсткина, посланного под Серпейск, – это последнее упоминание о нем в источниках. Не встречаются в документах 1607 г. и другие лица, поименованные в списке. Таким образом, в верхней части листа, до заголовка, перечислены дворяне, погибшие, по-видимому, во время восстаний Болотникова в боях за Угрой» [23].

Итак, Курбат Васильевич Челюсткин действительно серпейский дворянин, и умер он до 1610 года, а точнее – в 1607 г. Но был ли носитель этого некалендарного имени в крещении Матвеем?

РИС. 1.

«Росписи русского войска, посланного против самозванца в 1604 году»

И здесь снова приходится обращаться к документам Поместного приказа.

Сам Курбат Челюсткин в них не встречается, но в отчестве сыновей нередко присутствует. В частности, в 400-й писцовой книге по Рязани (1628 г.) часть села Юрина числится за Михаилом Курбатовым сыном Челюсткина, спустя восемнадцать лет в переписной книге по Шацку она же записана за уже известным нам Семеном Матвеевичем, доводившимся родным племянником Михаилу Матвеевичу. В отказных книгах по Белеву за 1616 год Михаил Курбатович значится одним из наследников Петра Васильевича Челюсткина, чьим братом, как мы помним, был погибший в 1607 г. Матвей. Наконец, последний и решающий штрих: в 242й писцовой книге по Белеву (1640 г.) сказано, что «село Благовещенское, Ильинское тож – за Михаилом и Матвеем Курбатовыми детьми Челюсткина и Иваном Григорьевым сыном Спешнева» [13]. Сравним со списком с писцовой книги Белевского уезда, опубликованным во втором томе «Белевской вивлиофики»: «За Михайлом Матвеевым сыном Челюсткина в поместье, что ему дано из дворцовых сел, жеребий села Благовещенского, Ильинское тож, на р. на Вырке; а село без жеребья за братом его за Матвеем Челюсткимым да за Иваном Спешневым» [2]. Надеюсь, сопоставление двух цитат в комментарии не нужно.

Однако сопоставить, точнее, систематизировать все полученные сведения совершенно необходимо. Пытаясь установить отчество Ульяны Чичериной, урожденной Челюсткиной, мы заодно выявили ее сестру с мужем, брата, прославленного племянника, отца, дядю, деда родного и деда двоюродного, а также прадеда и его брата. Знаем теперь и имя прапрадеда. Более того, из «Памятников обороны Смоленска (1609–1611 гг.)» известна вдова Матвея Васильевича, которую звали Марфой [22]. Однако считать и ее прямым предком Пушкина без дополнительной проверки сведений преждевременно, поскольку она может оказаться не матерью, а мачехой Матвея Матвеевича. Из того же источника следует, что Петр Васильевич Челюсткин имел жену Катерину, пять дочерей, а также сыновей Никиту и Осипа [22]. Иными словами, в ходе проведенного исследования удалось не только уточнить полное имя прапрабабушки Александра Сергеевича Пушкина, но и составить верифицированную роспись ее рода еще на несколько колен. Если вспомнить слова Михаила Вегнера, выявленная ветвь столбовых дворян Челюстких может оказаться такой же важной в родословной поэта, как и прочие женские линии.

На этом остановимся и оставим другим исследователям возможность глубже изучить этот род, известный и при Иване Грозном, и еще раньше. Будем надеяться, что нас ждут новые интересные открытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. **АННЕНКОВ П.В.** Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. М.: Современник, 1984. С. 156–157.
2. Белевская вивлиофика. М., 1858. Т. 2. С. 180.
3. **БЕЛОКУРОВ С.А.** Дневальные записки Приказа тайных дел 7165–7183 гг. М., 1908. С. 65.
4. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. ... Ч. 1. М., 1979. С. 234.
5. **ВЕГНЕР М.О.** Предки Пушкина. М.: Советский писатель, 1937. С. 8, 154–155, 194, 208.
6. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 4. СПб., 1851. С. 382.
7. **ИГУМЕН ЮВЕНАЛИЙ (Воейков).** Историческое родословие благородных дворян Чичериных, собранное из достоверных известий. М., 1792. С. 10.
8. **МОДЗАЛЕВСКИЙ Б.Л., МУРАВЬЕВ М.В.** Пушкины. Родословная роспись. Л.: Из-во АН СССР, 1932. С. 3.
9. **МУРАВЬЕВ М.В.** Родословие А.С. Пушкина // Пушкинский сборник. СПб., 1899. С. 666.
10. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: сб. документов. М.: Наука, 2003. С. 150.
11. Пушкины. Генеалогическая энциклопедия. М.: Политическая энциклопедия, 2020. С. 11.
12. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА) Ф. 1209. Оп. 2 Д. 15543. Л. 677–680, 685–688 об.
13. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 242 Л. 109 об. – 111 об.
- 14*. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 24948. Стб. 5.
- 15*. РГАДА. Ф. 1209. Стб. 34. Д. 19.
- 16*. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 39665. Стб. 1.
- 17*. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 39727. Стб. 1.
- 18*. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 39753. Стб. 4.
19. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 9191. Л. 583–591 об.
20. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1074. Ч. 2. Л. 89–90.
21. **РОМАНОВ М.Ю.** Стрельцы московские. М.: ГПИИБ, 2004. С. 138.
22. Смутное время Московского государства. Вып. 6. Памятники обороны Смоленска (1609–1611 гг.). М., 6/г. С. 181, 220, 242.
23. **СТАНИСЛАВСКИЙ А.А.** Брянский край и восстание Болотникова // Феодалы и город. Вып. 1. Брянск, 1993. С. 21–22.

REFERENCES

- ANNENKOV P.V.** Materials for the Biography of Alexander Sergeevich Pushkin. Moscow: Sovremennik, 1984:156–157. (In Russian).
- Belev's Vivliofika. V. 2. Moscow, 1858:180. (In Russian).

Примечание: * Листы в столбцах, указанных в пп. 14–18, архивом не нумерованы.

BELOKUROV S.A. Diary Notes of the Secret Affairs Department. 7165-7183. Moscow, 1908:65. (In Russian).

Boyar Lists of the last Quarter of the XVI – early XVII Centuries. P. 1. Moscow, 1979:234. (In Russian).

VEGNER M.O. Pushkin's Ancestors. Moscow: Sovetskiy pisatel, 1937. 8:154–155, 194, 208. (In Russian).

Acts relating to the History of Western Russia. V. 4. Saint Petersburg, 1851:382. (In Russian).

ABBOT JUVENAL (VOEYKOV). Historical Genealogy of the Nobles Chicherins from reliable Sources. Moscow, 1792:10. (In Russian).

MODZALEVSKIY B.L., MURAV'YOV M.V. Pushkins. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1932:3. (In Russian).

MURAV'YOV M.V. The Genealogy of A.S. Pushkin. Pushkin Collection. Saint Petersburg, 1899:666. (In Russian).

The popular Movement in Russia at the Beginning of the XVII Century, 1601–1608: Documents. Moscow: Nauka, 2003:150. (In Russian).

Pushkins. Genealogical Encyclopedia]. Moscow: Politicheskaya jenciklopedija, 2020:11. (In Russian).

Russian State Archive of Ancient Acts, col. 1209, book 15543, sheets 677–680, 685–688 back side.

Russian State Archive of Ancient Acts, col. 1209, book 242, sheets 109 back side – 111 back side.

Russian State Archive of Ancient Acts, col. 1209, book 24948, file 5.

Russian State Archive of Ancient Acts, col. 1209, book (34), file 19.

Russian State Archive of Ancient Acts, col. 1209, book 39665, file 1.

Russian State Archive of Ancient Acts, col. 1209, book 39727, file 1.

Russian State Archive of Ancient Acts, col. 1209, book 39753, file 4.

Russian State Archive of Ancient Acts, col. 1209, book 9191, sheets 583–591 back side.

Russian State Archive of Ancient Acts, col. 210, in. 9, file 1074 (2), sheets 89–90.

ROMANOV M.YU. Moscow Streltsy. Moscow: GPIB, 2004. P. 138. (In Russian).

The Time of Troubles of the Moscow State. N 6. Documents of the Defense of Smolensk (1609–1611). Moscow. P. 181, 220, 242. (In Russian).

STANISLAVSKIY A.L. Bryansk Region and the Bolotnikov Uprising. *Feodalnyy Gorod*. N 1. Bryansk, 1993:21, 22. (In Russian).

Красильников Андрей Николаевич,
писатель, первый секретарь правления Профессионально-го союза писателей России,

✉ 127055, г. Москва, Сущёвская ул., 8/12
тел.: + 7 (495) 978-77-35, e-mail: akoffice@ya.ru